

Эмили и Уильяму с любовью

С благодарностью Иэну Хислопу, Дэвиду Миллеру, Флоре Риз, Наталии Бенджамин, Эмме Кэнтонс, профессору Хуану Антонио Диасу, Рейчел Деймонд, Трейси Хей, Гельвеции Идальго, Джеральду Хоусону, Майклу Джейкобсу, Эрминио Мартинесу, Элеанор Мортимер, Виктору Овьесу, Иэну Пейджу, Крису Стюарту, Жозефине Стаббс и Иоланде Урьос.



Испания, 1931 г.

Гранада, 1937 год

Тишину комнаты, погруженной за прикрытыми ставнями в ночной полумрак, нарушил щелчок осторожно закрываемой двери. Мало того что она преступно опоздала, но и совершила еще одно преступление — попыталась пробраться домой незаметно.

— Мерседес! Где, во имя всего святого, тебя носило? — раздался громкий шепот.

Из сумрака в переднюю шагнул молодой человек, и девушка, лет шестнадцати, не старше, застыла перед ним, склонив голову и спрятав за спину руки.

— Почему так поздно? Зачем ты так с нами?

Он замялся, растерявшись от смешения чувств: совершенного отчаяния и безусловной любви к этой девушке.

— Ну и что у тебя там? Как будто я сам не догадаюсь.

Она вытянула вперед руки. На распрямленных ладошках неуверенно покоилась пара поношенных черных туфель; кожа их была мягкой, словно человеческой, а подошвы — протертыми чуть не насквозь.

Ее друг с нежностью обхватил ее запястья и, удерживая их в своих руках, взмолился:

— Ну пожалуйста, в последний раз тебя прошу...

— Прости, Антонио, — тихо ответила она, встретившись наконец с ним взглядом. — Я не в силах остановиться. Ничего не могу с собой поделать.

— Это опасно, керида миа¹, опасно.

¹ Моя дорогая (исп.).

Часть 1

Глава 1

Гранада, 2001 год

Прошли считанные секунды после того, как две женщины заняли свои места. Они были последними из числа допущенных на представление, и хмурый *хитано*¹ решительно задвинул щеколды на двери.

Волоча подола своих пышных юбок, к зрителям вышли пять девушек с волосами оттенка воронова крыла. Плотнo облегающие платья создавали вокруг их фигур завихрения огненно-красного и оранжевого, ядовито-зеленого и охристо-желтого. Насыщенные цвета, коктейль из тяжелых запахов, стремительность появления танцовщиц и их надменная поступь были нестерпимо, нарочито мелодраматичными. За девушками следовало трое мужчин, одетых мрачно, точно на похороны; все в них было черным как смоль — от смазанных маслом волос до кожаных туфель ручной работы.

Затем атмосфера переменилась: просачиваясь сквозь тишину, в вялом пездешнем ритме зазвучали хлопки, отбиваемые легким и быстрым ударом ладони о ладонь. Один из мужчин стал перебирать струны. Из глотки другого вырвался густой и горестный вопль, который скоро вылился в песню. Резкость голоса перекликалась с грубоватостью этого места и суровостью изрытого оспой лица исполнителя. Только он и его труппа понимали слова на малопонятном наречии, но зрители были способны ухватить смысл. Потеря любимой.

¹ Цыган (*исп.*).

Так прошло пять минут: в темноте, вдоль стен одной из сырых *куэвас*¹ Гранады сидело пятьдесят человек, едва осмеливаясь дышать. Песня не закончилась в какое-то одно мгновение — она просто стихла, — и девушки восприняли это как сигнал к уходу. Двигались они с неприкрытой чувственностью, не сводя глаз с двери перед ними, будто бы даже не замечая присутствия иностранцев. В темноте витало ощущение опасности.

— Это все? — прошептала одна из запоздавших.

— Надеюсь, что нет, — ответила ей подруга.

В течение нескольких минут в воздухе висело невероятное напряжение, потом до них донесся непрерывный, приятный слуху звук. Не мелодия, а мягкий рокошующий перестук: щелканье кастаньет.

Одна из девушек направлялась обратно: она шествовала по вытянутому на манер коридора проходу, тяжело впечатывая шаг и задевая оборками своего наряда запыленную обувь сидящих в первом ряду туристов. Ткань ее платья яркого мандаринового оттенка с огромными черными горошинами туго, так что трещали швы, натянулась на животе и груди. Девушка ритмично притоптывала на деревянных половицах, составлявших сцену: *раз-два, раз-два, раз-два-три, раз-два-три, раз-два...*

Затем ее руки поднялись в воздух; затрепетали, рождая сочную, густую трель, кастаньеты, и девушка начала свое медленное кружение. Пока танцовщица вращалась, она ударяла пальцами по маленьким черным дискам, которые держала в ладонях. Публика завороженно следила за ее выступлением.

Танец сопровождала песня-плач, исполняемая почти не поднимавшим глаз певцом, а танцовщица все кружилась, погруженная в собственный транс. Если между ней и музыкой и установилась какая-то связь, то девушка ее ничем не выдавала; может, она

¹ Пещеры (*исп.*).

и осознавала присутствие зрителей, но те этого не ощущали. На чувственном лице застыло выражение абсолютной сосредоточенности; глаза вглядывались в мир, видимый только ей одной. Ткань под мышками потемнела от пота, на лбу выступили капельки испарины, а она кружилась все быстрее, быстрее и быстрее.

Танец закончился так же, как и начался, одним решительным впечатыванием ноги в пол, словно точкой. Руки замерли над головой, взгляд застыл на низком сводчатом потолке. Никакого интереса к реакции зрителей. Их могло не быть вовсе — для нее ничего бы не изменилось. В помещении стало жарко, и те, кто расположился поближе к сцене, вдыхали гремящую смесь запахов мускуса и пота, которые она распространяла вокруг.

Не успела она покинуть сцену, как ее место заняла следующая. От второй танцовщицы исходило ощущение нетерпения, словно ей хотелось побыстрее со всем закончить. Перед глазами зрителей проплыла еще одна порция черных горошин, на этот раз на блестящем красном фоне, и водопад выющихся черных волос упал на цыганистое лицо, скрыв все, кроме четко очерченных арабских глаз, густо подведенных черной краской. На этот раз никаких касаньет, только бесконечно повторяющийся перестук ног: *клак-а-така-така, клак-а-така-така, клак-а-така-така...*

Скорость перехода ступни с пятки на носок и обратно казалась невероятной. Тяжелые черные туфли на высоком устойчивом каблуке и со стальной набойкой на мыске выбивали на сцене мелкую дробь. Пожалуй, колени танцовщицы погасили отдачу от тысячи ударов. Какое-то время певец хранил молчание, уставившись в пол, словно встреча взглядом с этой темноволосой красавицей грозила ему превращением в камень. Нельзя было понять, кто задает ритм, а кто ему следует — он со своей гитарой или

танцовщица, настолько неразрывным было их единение. Вызывающим движением подхватив тяжелый подол своей многоярусной юбки, она открыла всеобщему взору изящные ножки в темных чулках: так легче было оценить быстроту и ритмичность ее ударов. Танец достиг своего апогея: девушка вращалась, напоминая то ли волчок, то ли кружащегося дервиша. Роза, чудом державшаяся до сей поры в волосах танцовщицы, отлетела в зал. Она даже не подумала вернуть цветок: едва тот коснулся пола, девушка направилась к выходу. Хотя ее выступление было актом самосозерцания, оно тем не менее оказалось самой откровенной демонстрацией уверенности в себе, какую зрителям только доводилось видеть.

Первая танцовщица и аккомпаниатор последовали за ней из пещеры; лица их ничего не выражали, несмотря на раздававшиеся аплодисменты: им все еще не было дела до своих зрителей.

До конца представления успело выступить еще шестеро, и в каждом танце тревожным лейтмотивом звучали страсть, гнев и печаль. На сцене появился и мужчина, чьи движения были развязными, точно у проститутки, и девушка столь юная, что от боли, выражаемой ею в танце, становилось не по себе, и пожилая женщина, лицо которой испещрили глубокими морщинами семь десятков лет страданий.

Наконец последний из выступавших покинул сцену. Зажегся свет. Когда зрители начали расходиться, они мельком заглядывали в закулисную комнатку, где артисты спорили, курили и прихлебывали из высоких стаканов, наполненных до краев дешевым виски. У них оставалось сорок пять минут до следующего выступления.

Дышать в помещении с низким потолком было нечем: там разило алкоголем, потом и давно уже выкуренными сигарами, поэтому люди с радостью

выходили на улицу. Прохладный вечерний воздух своей прозрачностью и чистотой напомнил им, что горы совсем недалеко.

— Это было невероятно, — поделилась Соня с подругой.

Она не до конца понимала, что вкладывает в это слово, но оно показалось ей единственно верным.

— Да, — согласилась Мэгги. — А какой надрыв.

— Точно так, — подтвердила Соня. — Жуткий просто. Совсем не то, что я ожидала.

— И те девушки, не очень-то они выглядели счастливыми, правда?

Соня ответом не озаботилась. Ясно ведь, что фламенко имеет мало общего со счастьем. Уж это она за последние два часа себе уяснила.

Они пустились в обратный путь по мощенным булыжником улицам, направляясь к центру Гранады, но в старом арабском квартале Альбайсин поняли, что заблудились. Пытаться счастья с картой было бессмысленно; редкий из крохотных проулков имел название, а узкие ступени некоторых и вовсе вели в никуда.

Женщины вскоре сориентировались: стоило им свернуть за угол, как перед ними открылся вид на Альгамбру, залитую в этот час мягким светом, и, хотя время уже было за полночь, теплое янтарное сияние, омывавшее строения комплекса, едва не заставило подруг поверить в то, что солнице все еще клонится к горизонту. Со своим частоколом из зубчатых башен, резко выделявшихся на фоне чистого ночного неба, крепость выглядела так, словно перенеслась из мира сказок «Тысячи и одной ночи».

Взявшись под руки, они продолжили свой путь вниз по склону холма в тишине. Темноволосая, высокая и статная Мэгги делала шаги поменьше, чтобы попадать в ногу с Соней: за годы близкого общения подруги приноровились друг к другу, уж больно

разной они были комплекции. В разговорах нужды не было. Сейчас отчетливый стук подошв по мощеной дороге, напоминающий хлопки ладоней и щелчки кастаньет артистов фламенко, был куда приятнее звучания человеческого голоса.

Была последняя среда февраля. Соня и Мэгги приземлились всего несколькими часами ранее, но Соня попала под очарование Гранады уже по дороге из аэропорта. Зимний закат озарил город пронзительным светом, оставив покрытые снежными шапками горы вдалеке в тревожной тени. Когда такси мчалось по автостраде, приближаясь к городу, женщины успели бросить свой первый взгляд на строгие очертания Альгамбры. Казалось, крепость стоит на страже всего остального города.

Наконец водитель сбавил скорость и свернул в сторону центра. Теперь пассажирки смогли любоваться величественными площадями, роскошными зданиями и изредка попадающимися на глаза великолепными фонтанами, пока машина не нырнула в переплетение узких мощеных улочек, прорезавших город.

Имея мать — уроженку Испании, сама Соня за всю свою жизнь бывала в стране лишь дважды, и оба раза на морских курортах Коста-дель-Соль. Она не выезжала за пределы «прилизанного» и бурлящего жизнью побережья, где круглый год светит солнце, а позавтракать можно в любое время с утра до вечера, что и привлекает британских и немецких туристов, коих там великое множество. Утопающие в зеленых насаждениях виллы, расположенные по соседству и похожие одна на другую, с их нарядными колоннами и причудливыми узорами кованых решеток были теперь так близко и так бесконечно далеко от этого города с путаными улочками и сумбуром зданий, которыми он поразился за свою многовековую историю.

Здесь витали незнакомые запахи, беспорядочно смешивались в пестрый коллаж древность и современность; в кафе было не протолкнуться из-за местных, в витринах высились горки мелкой глазированной сдобы, которую с гордостью за свой труд отпускали серьезные мужчины. Окна обшарпанных квартирок прикрывали ставни, а через ограждения балконов просматривались вывешенные на просушку простыни. «Тут все настоящее, — подумалось Со-не, — ничего показного».

На поворотах пассажирок качало то в одну сторону, то в другую — налево, направо, направо, налево и снова налево, — могло показаться, что они рискуют вернуться ровно туда, откуда выехали. Движение на узких улочках было исключительно односторонним, и их водителю то и дело удавалось едва-едва разминуться с мопедом, едущим им навстречу наперекор всем правилам, да еще и на приличной скорости. Пешеходы, позабыв осторожность, сходили с тротуара прямо на проезжую часть. Только таксисту было по силам пробраться сквозь этот прихотливый лабиринт. С зеркала заднего вида свисали четки, которые постукивали о ветровое стекло, с иконки на приборной панели кротко глядела Дева Мария. Поездка обошлась без жертв, так что Богородица, по-видимому, со своей работой справлялась.

От приторного карамельного запаха освежителя воздуха и пережитой тряски обеих женщин мутило, и они почувствовали облегчение, когда машина наконец замедлила ход и остановилась и до них донесся скрип рычага ручного тормоза. Двухзвездочная гостиница «Санта-Ана» располагалась на маленькой неопрятной площади, соседствуя с книжным магазинчиком с одной стороны и сапожной мастерской с другой. Вдоль тротуара вытянулись в ряд торговые палатки, которые в тот момент как раз закрывались. Упаковывались гладкие золотистые батоны и увесистые куски плоского, нашпигованного олив-

ками хлеба, заворачивались в вощеную бумагу остатки открытых фруктовых пирогов, бывших изначально размером с колесо телеги.

— Умираю с голоду, — призналась Мэгги, наблюдая за тем, как торговцы загружают свои фургоны. — Куплю что-нибудь по-быстрому, пока они еще здесь.

Мэгги со свойственной ей непосредственностью побежала через дорогу, оставив Соню расплачиваться с таксистом. Вернулась она с внушительным ломтем, который, торопясь заглушить голод, уже начала разрывать на кусочки:

— Вкуснотища! На-ка, попробуй, — и сунула немного хлеба Соне в руку.

Так они и стояли на тротуаре рядом со своими вещами: ели хрустящий батон и щедро усыпали крошками каменную плитку под ногами. Пришло время *пассео*¹. Люди начали выходить на улицы, чтобы совершить свой вечерний променад. Мужчины с женщинами, женщины под руку с женщинами, мужчины по двое — элегантно одетые. Все они, хотя и прогуливались для удовольствия, вид имели целеустремленный.

— Правда, глаз радует? — сказала Мэгги.

— Что?

— Здешняя жизнь. Только посмотри на них. — Мэгги указала на забитое посетителями кафе на углу площади. — Как думаешь, что они обсуждают за бокалом *тинто*?²

— Да, наверное, все подряд, — улыбнулась Соня. — Семейную жизнь, политические дразги, футбол...

— Давай зайдем в гостиницу и зарегистрируемся, — предложила Мэгги, дожевывая свой кусок. —

¹ Прогулка, гулянье (*исп.*).

² Красный (*исп.*). *Здесь*: красное вино.

Потом можем прогуляться, пропустить где-нибудь по бокальчику.

Толкнув стеклянную дверь, они оказались в ярко освещенном холле, оформленном с претензией на роскошь, которую поддерживали лишённые всякой оригинальности композиции из шелковых цветов и несколько массивных предметов мебели в стиле барокко. Обнаружившийся за высокой стойкой администратора улыбчивый молодой человек дал подругам заполнить регистрационные бланки, потом снял копии с паспортов и, сообщив, когда накрывают завтрак, протянул им ключ от номера. Деревянный брелок-апельсин размером с настоящий фрукт служил надежнейшим гарантом того, что они не смогут покинуть гостиницу, забыв сдать ключ, который тут же вернется на свой крючок в стене за стойкой.

Если не считать холл, все убранство гостиницы оказалось кричаще безвкусным. Наверх они поднимались в крохотной кабине лифта, куда еле втиснулись; чемоданы им пришлось взгромоздить один на другой. Выйдя на третьем этаже, женщины очутились в начале узкого темного коридора, по которому и побрели, цокая каблуками и грохоча багажом, пока не разглядели на двери крупные, тускло поблескивающие цифры: «301».

Номер им достался вроде как «с видом». Вот только не на Альгамбру, а на стену, точнее, на блок кондиционера.

— Мы все равно не стали бы целыми днями у окна просиживать, да ведь? — заметила Соня, задерживая тонкие занавески.

— И даже будь у нас балкон с шикарной мебелью и панорамным видом на горы, мы все равно не стали бы на него выходить, — подхватила Мэгги со смехом. — Погодка еще не располагает.

Соня, не мешкая, распахнула свой чемодан, затолкала несколько футболок в выдвижной ящичек

прикроватной тумбочки, а остальные вещи развесила в узком платяном шкафу; скрежет металлических плечиков резал по ушам. Ванная, как и комната, оказалась компактной: Соне с ее миниатюрным телосложением и то пришлось протискиваться за раковину, чтобы закрыть дверь. Почистив зубы, она сунула щетку в единственный имеющийся стакан и вернулась в комнату.

Мэгги лежала на кровати, растянувшись поверх бордового покрывала, а ее чемодан, так до сих пор и не раскрытый, стоял на полу.

— Так ты что, вещи разбирать не планируешь? — поинтересовалась Соня, по опыту знавшая, что Мэгги скорее будет таскать одежду прямо из чемодана, набитого кокетливыми кружевными нарядами и сбившимися в комки блузками с рюшами, чем удосужится развесить все по местам.

— Чего-чего? — рассеянно переспросила Мэгги, поглощенная чтением.

— Вещи разбирать?

— А, вещи... Потом разберу.

— Что ты там читаешь?

— Да вот, нашла в куче буклетов на столе, — отозвалась Мэгги из-за рекламной листовки, которую поднесла к лицу, чтобы лучше разобрать слова.

Читать при тусклом освещении было трудно; его хватало лишь на то, чтобы слегка разогнать сумрак комнаты, отделанной в темно-бежевых тонах.

— Реклама шоу фламенко, представления проходят в местечке под названием Лос-Фандангос. Как раз где-то в цыганском квартале. На это моего испанского хватило. Может, сходим?

— Давай. Почему бы и нет? Нам ведь подскажут внизу, как туда добраться?

— Начало в половине одиннадцатого, так что успеем еще и перекусить.

Немного погодя они уже шли по улице с картой в руках. Отчасти ориентируясь по ней, отчасти сле-

дую своему чутью, женщины петляли по лабиринту улочек.

Хардинес, Мирасоль, Круз, Пуэнтесуэлас, Капучинас...

Значение большинства этих слов Соня помнила со школьных лет. В каждом была заключена своя собственная магия. Из них, точно из широких мазков, составляющих городской пейзаж, складывалась картина единого целого. По мере приближения к сердцу города названия улиц все более явно указывали на господствующее здесь влияние католицизма.

Подруги направлялись к центральному зданию Гранады — Кафедральному собору. Судя по карте, он служил своеобразным началом местной системы координат. Казалось, узкими переулками до него не добраться, и Соня задрала голову, только когда заметила решетки ограждений и двух нищенок, собирающих милостыню перед резным порталом. Над ней, заслоняя небо, возвышалось поистине монументальное строение, незыблемая громада из камня, отчетливо напоминавшего материал для возведения крепостных стен. В отличие от соборов Святого Павла, Святого Петра или Сакре-Кёр, гранадский не тянулся к свету. Соне с ее места представлялось, будто он его скрадывал. К тому же перед этим зданием не было большого пустующего пространства, мгновенно привлекающего к нему внимание. Он таился за узкими непримечательными улочками, заполненными кафе и магазинчиками, и почти ни с одной из них не просматривался.

Тем не менее в начале каждого часа собор напоминал миру о своем существовании. Женщины еще не успели сдвинуться с места, как раздался колокольный звон, громкий настолько, что они отшатнулись. Низкие, гулкие, имевшие металлический отзвук удары отдавались прямо в голове. Соня при-

крыла уши ладонями и последовала за Мэгги прочь от оглушительных раскатов.

В восемь вечера тапас-бары в районе собора уже начали заполняться. Мэгги долго не раздумывала: ей приглянулось заведение, у которого стоял вышедший покурить официант. Взмоштившись на высокие деревянные табуреты, женщины заказали вина. Его принесли в небольших пузатых бокалах, сопроводив тарелкой с щедро нарезанным *хамоном*. Стоило им попросить еще вина, как перед ними, словно по волшебству, возникала очередная порция тапас. Хотя пришли они голодными, эти скромные угощения из оливок, сыра и паштета постепенно утолили их аппетит.

Соня была вполне довольна выбором Мэгги. Прямо за барной стойкой с потолка свисали здоровенные окорока, похожие на гигантских летучих мышей, отдыхающих вниз головой в ветвях деревьев. Жир с них по капле стекал в маленькие пластмассовые конусы. Рядом висели колбаски *chorizo*, а сзади на полках стояли огромные жестяные банки с оливками и тунцом. Бутылки выстроились бесконечными колоннами, но так, чтобы посетителям было до них не дотянуться. Соне нравились этот пыльный сумбур, густой сладковатый аромат *хамона* и атмосфера праздника, уютная, как ее любимое пальто.

Мэгги заставила ее вынырнуть из задумчивости:

— Ну и как твои дела?

Подруга была в своем репертуаре: вопрос был отнюдь не безобидным, как и острая шпакка, на которую она наколола две оливки и помидорку черри.

— Нормально, — отозвалась Соня, зная, что подруге этот ответ, скорее всего, не устроит. Манера Мэгги опускать любезности и сразу переходить к сути вещей нередко вызывала у нее раздражение. С той минуты, как они встретились в аэропорту Станстед сегодня утром, все их беседы носили характер легкий и непринужденный, но было понятно, что рано

или поздно Мэгги захочется пооткровенничать. Соня вздохнула. Эту черту в подруге она одновременно любила и терпеть не могла.

— Как там поживает твой старый, вечно кислый муж?

На столь прямой вопрос одним словом не ответить, особенно таким, как «нормально».

После девяти часов число народу в баре стало быстро увеличиваться. До этого костяк его посетителей составляли в основном пожилые мужчины, державшиеся своей компании. Соня отметила их подтянутые фигуры, небольшой рост, элегантные наряды и начищенные до блеска туфли. Позднее бар начал заполняться людьми помоложе: они оживленно беседовали рядом с узкой стойкой, на которую то и дело примащивали свои бокалы с вином и блюда с тапас: как раз для этого стойку вдоль стен и протянули. Разговаривать в усилившемся шуме стало трудно. Соня придвинулась поближе к Мэгги, так что деревянные ножки их табуретов соприкасались.

— Всё киснет, — проговорила она подруге прямо в ухо. — Не хотел меня сюда отпускать, но, думаю, переживет.

Соня бросила взгляд на висящие над баром часы. До представления фламенко оставалось менее полу-часа.

— Пожалуй, нам пора, — сказала она, соскальзывая с табурета.

Как бы она ни любила Мэгги, отвечать на личные вопросы у нее в данный момент желания не было. С точки зрения ее лучшей подруги, проку от мужей нет никакого. Но Соне частенько казалось, будто Мэгги так говорит просто потому, что у нее самой спутников жизни отродясь не водилось, по крайней мере своих собственных.

На барную стойку только что выставили приготовленный для них кофе, и Мэгги не собиралась никуда уходить, пока его не выпьет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Кофе выпить успеем. В Испании ничего не начинается вовремя.

Женщины осушили по чашке наваристого *кафе соло*¹, пробрались сквозь толпу и вышли из бара. На улицах тоже было не протолкнуться, поспокойнее стало только ближе к кварталу Сакромонте, где они быстро нашли табличку с указателем на Лос-Фандангос. Побеленное, грубо оштукатуренное здание было встроено прямо в холм: так выглядела куэва, где они будут смотреть фламенко. Уже на подходе к дому-пещере до них донеслись завораживающие звуки: кто-то перебирал аккорды на гитаре.

¹ Черный кофе, зачастую эспрессо (*исп.*).